

ВОЙНА – ДЕЛО МУЖСКОЕ

Иван Коржов,
Казахстан, Центральная воскресная школа
Никольского собора г. Алматы

— **В**о время войны мы грелись в золе. Когда печка погаснет, залезем в золу и греемся. Морозы в Семипалатинской области не такие, как в Алма-Ате. А жили мы в землянке. Папа не вернулся с войны, в 45-ом пришла похоронка на него. Нас было трое у мамы. После сбора урожая собирали мерзлую картошку и уцелевшие колоски — так и выживали.

— А за это не расстреливали?

— Нет, после сбора можно было. Слава Богу, за все! Про войну даже вспоминать не хочется. Не дай бог, чтобы она повторилась. О чем ты еще хочешь узнать? — спросила баба Люба. Я встретил ее на железнодорожном вокзале в городе Сызрань, когда на осенних каникулах со спортивной командой мы ожидали своего поезда.

Баба Люба дала мне копию местной газеты, выпущенной в октябре 1942 г.

— Почитай, как летчик совершил воздушный таран разведчика-бомбардировщика в этих местах в войну, который имел задание разрушить мост через Волгу. Если будет время, то сходи, посмотри мемориал «Вечный огонь», он здесь рядом.

Устав от ожидания поезда, я пошел прогуляться по перрону и обдумать ее рассказ. Среди однотонных серых вагонов стоял настоящий паровоз, свежеевыкрашенный, с вагоном угля (тендером)! Спереди красовалась огром-

ная, на всю дымовую коробку, красная звезда и надпись «Вперед к победе». Это просто невозможно даже помыслить! Мне очень захотелось залезть в него и представить себя машинистом. Мигом я оказался внутри, там было много разных вентилях и рычагов, я захотел все покрутить, но сдержал себя. Топка паровоза горела и излучала тепло, я вспомнил, как прихожанка нашего собора бабушка Люба в детстве грелась в печной золе. Паровозная топка окутала меня теплом как шалью, я накрылся военным кителем, снятым с рычагов и от усталости закрыл глаза. И тут послышался голос.

— Вечно паровозники спят, как убитые, не разбудить, — девушка в белом халате поднялась по лестнице в будку машиниста и подала мне копченую колбасу, сметану и хлеб.

Увидев ее, я вскочил.

— Сколько можно звать? Возьми свой спецпаек. Народ отрывает от себя, чтобы ты не заснул в пути, помни это. Прочитай, — сказала она, протягивая, свежую газету.

— Наш земляк, с Самарской губернии Николай Шутов недавно, четвертого октября этого года совершил таран вражеского самолета-разведчика.

Следом за ней поднялась прихрамывающая молодая женщина в красивой, черной форме со значком почетного железнодорожника.

— Новобранец? Доброволец? Давай знакомиться! Я машинист Елена Мироновна Чухнюк. А тебя как звать? — спросила она. Я пожал маленькую, но сильную ладонь и от удивления не мог ничего промолвить, только кивал головой и хлопал глазами.

— С Богом, тетя Лена, — попрощалась девушка с машинистом и помахала мне рукой. Потом шепотом сказала тете Лене на ухо:

— Береги его, прошлого кочегара ведь в первой поездке... — И перекрестила нас.

— Принял присягу? Надень китель. Военный билет не потеряй, застегни карман или лучше зашей его. Есть нитки с иглой? Ладно, в пути разберемся, «Овечка» под парами, продолжила офицер.

— «Овечка» это ласковое название паровоза. Литера «ОВ» — значит основной грузовой паровоз с парораспределительным механизмом Вальсхарта.

— Знакомься с моим «железным воином», будьте друзьями. Он никогда меня не подводил.

И тетя Лена ласково провела рукой по рычагам. Она продула паровую машину и посмотрела на меня. Колеса паровоза окутались клубами пара.

— А какой гудок! Регент Всесвятского храма его настраивал, и она подала сигнал.

— УУУУУУ, — весело засвистел провоз.

— Давай учиться работать. Вставай на лопату.

Я наступил обеими ногами на угольную лопату в прицепе с углем.

— Ты как Терешечка-Ивашечка из сказки. Кидай уголь в топку, — засмеялась девушка.

Стемнело когда мы подъехали к мосту через Волгу.

— Нам нужно пройти незамеченными фашистами. Они здесь выются, как стервятники.

— Какой огромный мост! — сказал я.

— При постройке он был самым длинным в Европе, почти 1,5 километра. «Все-таки «Царицу русских рек» мост сковал рабской железнодорожной цепью».

После революции мятежники чехословацкого корпуса взорвали два пролета моста. Пришлось рабочим зимой намораживать на лед шпалы с рельсами, чтобы возить хлеб в вагонах, — рассказывала она. И вдруг закричала:

— Фашисты!

И, правда, с противоположного берега в свете луны на нас надвигались два бомбардировщика Люфтваффе. Через мгновение страшно завывли сирены падающих бомб, от страха я убежал в тендер и сел на уголь. Еще через секунду поезд затормозил, а бомба пронеслась перед паровозом, скрывшись в реке. Взрыв поднял столб воды, который окатил паровоз и залил весь уголь в тендере. Я сидел весь мокрый, не выпуская лопату из рук, и трясся от холода и страха. Моя душа от звука сирен и так была в пятках, а после взрыва ушла в ботинки. Ухнула вторая бомба, поднимая еще массу воды. Разрывы бомб, гул сирен, крики машиниста, скрежет колес, свист пара — всё слилось в общий невыносимый рев. Машинист зарычала:

— Где ты, боец, давай за лопату. Угля, угля, делай свою работу, солдат! Они метят в паровоз! Всех погубишь!

Самолеты зашли на второй заход, и открыли огонь из пулеметов. В бортах угольного вагона появились сквозные отверстия, а из пробоины в котле вырвался пар. Вода лилась из емкости в тендере тугими струйками. Я забился в дальний угол прицепа, еще сильнее сжал лопату и хотел ею буквально зарыться в уголь — так страх сковал мою волю.

— Вот бы провалиться под реку, — пронеслась мысль в моей голове. Я вспомнил, как моя прабабушка переживала бомбежку, когда ехала к прадеду, служившему на Дальнем Востоке, на бронепоезде в начале войны. Как же бомбежка невыносима! Фашисты расстреливают беременных женщин и стариков, не щадят и санитарные поезда. Моя бабушка Нина рассказывала, что ее беременную маму хотели расстрелять немцы за связь с партизанами, но партизаны успели ее забрать в свой отряд. Я разжал руки и отбросил от себя лопату. А молодая женщина, взяв ее, сама управляла паровозом и сама закидывала уголь в топку. Я же малодушно сидел в углу, стуча зубами и жалея себя. Из оцепенения меня вывели сильная пощечина и слова:

— За твоей спиной сотни солдат и только от тебя зависит их жизнь!

— Страшно, тетя Лена, — выговорил я.

— Какая я тебе тетя Лена, я товарищ старший лейтенант, твой командир. Встать, смирно,

боец! Под трибунал захотел?! Не думай о себе, вынь «голову из кустов». Спасай эшелон, а обо всем остальном — как Бог даст. Я тебя сейчас сама расстреляю прямо здесь. За тобой целый состав алматинцев, они будут твою мать защищать и тебя, пока ты колбасу будешь есть. Ты откуда сам, чей? Кому написать, что сын у них трус и дезертир? Вот будет позор для них! Ты ушел с боевого поста. Я готова умереть! Мы бесстрашные, потому что готовы умереть за свой народ! Во время прошлого рейса меня бомбили семь раз. Война — дело мужское, я всегда работала в женской бригаде. Будь же женщиной!

Старший лейтенант достала пистолет из кобуры и заорала:

— Встать!

Как ошпаренный, я схватился за лопату и начал метать уголь в топку, не чувствуя усталости и боли, хотя я сорвал кожу мозоли и рукавицы стали мокрым от крови. Жар от топки высушивал мое тело, и мне приходилось постоянно пить воду. За мной мои земляки... Шум вырывающегося пара и скрежет надрывно буксующих колес старающихся разогнать тяжелый состав резали слух, я даже подумал, не оторвется ли паровоз от вагонов. Опять раздались пулеметные очереди, Машинист закричала:

— Проклятые фашисты прострелили резервуар! Давление пара падает, кидай уголь быстрее, нельзя останавливаться, мы должны проехать мост!

Вцепившись сильнее в лопату, я колотил ею о дверцы топки и не мог забросить уголь внутрь. Пружинистая сталь лопаты звучала как гонг и отдавалась набатом в моей голове. Уголь рассыпался, а я не пытался его собрать, но зачерпывал и бросал новый.

— Глубже закидывай в топку! Точнее! — кричала товарищ старший лейтенант, открывая дверцы котла и сразу закрывая их, когда я попадал в топку, чтобы жар не выходил, так мы работали в «прихлопку».

Наконец, этот ад прекратился — зенитчики отогнали кровожадных «коршунов» и мы проехали мост. Я упал без сил, машинист остановила поезд возле деревьев и крикнула:

— Вставай, воин, дыры сами не залатаются! Сейчас вся вода из котла и тендера вытечет.

Я открыл глаза и понял весь ужас нашего положения: мы с поломанным паровозом точно погибнем при следующем налете, в любой момент может последовать повторный удар, а ведь нам нужно доставить солдат! Как же я залатаю дыры? На мою мысль ответила мой командир:

— Тащи чопики (заточенные деревянные кольшки) с инструментального ящика, и прихвати молоток и фонарь. Сейчас пойдет встречный эшелон, нам нужно убрать поезд!

Я неумело забивал кольшки в отверстия от пуль. Коленки тряслись и подгибались, руки не слушались. К счастью, из первого вагона прибежали молодой младший лейтенант с красноармейцем.

— Нужна помощь? Вот рядовой Иванов, он год проработал на железной дороге, — сказал младший лейтенант и передал под командование машиниста солдата. Вместе мы быстро починили паровоз и отправились дальше. Красноармеец Иванов оказался моим земляком из-под Алматы. Мы разговорились, и он был простым хлеборобом, в 38 году окончившим семь классов в поселке Тургень. Старшей школы там не было. Потом учился в училище, работал на железной дороге. Затем, пока мы работали, Борис, а солдата звали так, рассказывал об истории нашего края, о том, как вся деревня встречала первый трактор, и как увеличилась урожайность хлеба, как провели электричество и начали обучать молодых и старых на всеобуче. О строительстве железной дороги и откуда берется патриотизм в народе. Оказалось слово «патриотизм» или «отчизнолюбие» происходит от Отца Небесного, Давшего землю народу. Потому, что Патер это Отец по-гречески, а по-нашему — Отче. И выходит, что мы защищаем землю своих отцов, которую дал Отец Небесный. Мы залатали «огненного друга» и поехали дальше. От усталости я свалился возле топки и уснул.

Проснулся я от сигналов проходивших мимо электровозов, повесил китель на рычаги, вылез из будки и пошел в сторону вокзала, не чувствуя своих ног, и с трудом их передвигая. Паровоз подал гудок, и я оглянулся на него. Мой «железный друг», сплошь утыканный

чопиками, был похож на дикобраза. И вправду у него был дикий образ. Я помахал рукой своему «железному товарищу», прошедшему всю войну. В ответ, прощаясь, он издал протяжный гудок:

— Ууууу.., — грустно выдохнул пар, из паровой машины. И почему-то мне показалось, что именно он вез на фронт моих земляков — гвардейцев из Панфиловской дивизии защищать Москву. А каким путем — я знаю точно.

Мой тренер стоял у дверей вокзала:

— Сколько можно звать? — сказал он.

— Опять эта фраза, — подумал я.

— Тебя ищет баба Люба. Что с твоими руками? Разожми кулаки.

Мне казалось, что я до сих пор держу лопату. Но это была измятая газета. Тренер взял ее из моих рук и вслух прочитал заголовок:

— «Русский воздушный таран над селом Баклуши сержанта Шутова Николая Федоровича».

— Бесстрашного, мужественного героя — подумал я. Сколько их не вернулось с войны! Не дай Бог, чтобы война повторилась.

Вместе с бабой Любой мы посетили краеведческий музей этого города, видели кресло со сбитого тараном немецкого самолета и долго рассматривали военные фотографии наших отцов, дедов и прадедов, даровавших нам Великую Победу. Как сказал один священник:

— На этих фотографиях не лица, а лики — с них можно иконы писать.

Герой социалистического труда Елена Чухнюк прошла всю войну, ее бомбили бесчисленное количество раз. Борис Филиппович Иванов устанавливал и охранял правительственную связь. Божьей милостью не убил ни одного человека. Сержант Николай Федорович Шутов за свой подвиг посмертно награжден орденом Ленина, который хранится в краеведческом музее города Сызрань. **НО**

***

*Смоленщина, я внук артиллериста
И не застал немецкий артобстрел,
Но помню, говорили: смерть когтиста.
И от обиды я тогда взревел.*

*Взревел я оттого, что было стыдно,
Что не упасть в заснеженный окоп,
Что жизнь моя сыта, не инвалидна
И ранит сердце пустомелей треп.*

*И пусть я не замковый, не наводчик,
Но есть друзья, и это мой расчет,
Который никогда не подведет
В кольце интриг, кредитов и расрочек.*

*Смотрю назад, и выглядит холмисто
Дорога предков за моим плечом,
И надо мной, под облачным крестом,
Не солнце, а лицо евангелиста.*

Александр Орлов

